

ВАЛЕРИЙ ЛЕДЯЕВ, ОЛЬГА ЛЕДЯЕВА

Многомерность политической власти: концептуальные дискуссии¹

Начиная с 60-х гг. прошлого века вопрос о необходимости и целесообразности рассмотрения политической власти как многомерного явления, имеющего различные модусы существования, стал одним из центральных в дискуссиях о природе власти и характере ее распределения в современном обществе. Часть исследователей выразила неудовлетворение традиционным объяснением политической власти как способности навязать волю политическим оппонентам в процессе принятия политических решений. Они указали на необходимость расширения пространства политической власти путем включения в него некоторых видов социальных отношений и практик, ранее не считавшихся ее проявлениями.

Дискуссия началась после публикации статей американских политологов П. Бахраха и М. Баратца (Bachrach and Baratz, 1962; Bachrach and Baratz, 1963) о необходимости учета «второго лица власти», которое заключается в способности субъекта ограничить сферу принятия решений «безопасными» проблемами («непринятие решений»). В 70-е гг. С. Лукс (Lukes, 1974) предложил «трехмерную» концепцию власти, включающую в себя два первых «лица», а также «третье измерение власти» — формирование определенных ценностей и убеждений. Впоследствии к дискуссии подключились многие исследователи, попытавшиеся критически переосмыслить имеющийся опыт многомерных концептуализаций власти (Дж. Дебнем, Т. Бентон, А. Брэдшоу, С. Клегг, Т. Вартенберг и др.). Параллельно этому, появились работы известных социальных мыслителей (М. Фуко, П. Бурдьё, Дж. Скотт), которые с самого начала вывели политическую власть за пределы публично-государственного ареала, растворяя ее, в большей или меньшей степени, во всем пространстве жизни социума. В то же время многие исследователи сочли данные попытки не вполне концептуально оправданными, отрицая целесообразность выделения новых «лиц» власти (Н. Полсби, К. Доудинг, К. Хейвард).

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 03-06-80-409).

Источники разногласий между исследователями не ограничиваются чисто субъективными факторами или своеобразием способа конструирования (выведения) понятия: позиции сторон, так или иначе, отражают различное понимание социальной реальности и отношение к ней. Обычно поиски новых «лиц» власти ведутся теми исследователями, которые склонны видеть причины *политического* неравенства и господства одних групп над другими прежде всего в частной (непубличной) социальной практике, нередко вуалирующей структурные преимущества или представляющей их в качестве «естественных». Попытки оптимизации когнитивных моделей путем расширения пространства политической власти осуществляются в целях более адекватного объяснения сохранения и воспроизводства элитарного характера политической власти в условиях действия формальных демократических институтов. В практическом контексте аналитический поиск направлен на выявление форм политической власти, выходящих за рамки «общественного договора» с целью их нейтрализации и/или ограничения при помощи институциональных, правовых и моральных регуляторов. Поиски скрытых преимуществ обычно ведут исследователей к пониманию власти как структурно-обусловленного отношения между акторами, не обязательно рефлектируемого и интенционального, и по сути стирающего грань между властью и безликим структурным контролем. Их оппоненты менее склонны видеть власть в качестве универсального основания социального неравенства; в предлагаемых ими концептуализациях власть представляет собой лишь один из возможных факторов воздействия на объект, в котором четко прослеживается ответственность субъекта за изменение состояния и/или деятельности объекта.

Поскольку многие аспекты дискуссии, касающиеся концептуализации власти в форме непринятия решений (Бахрах и Баратц), третьего (Лукс) и четвертого (Фуко) «лиц власти» уже были рассмотрены нами ранее (Ледяев, 1998, Ледяев, 2001; см. также: Подорога, 1989), далее мы ограничимся описанием и кратким комментарием некоторых других подходов, менее известных российскому читателю. В качестве иллюстрации поиска скрытых форм власти рассматриваются соответствующие идеи П. Бурдьё и Дж. Скотта; примером критического отношения к «лицам власти» выступают концепции власти в теории рационального выбора, наиболее обстоятельно представленные К. Доудингом.

* * *

Одно из наиболее интересных объяснений некоторых скрытых форм власти предложено в книге Джеймса Скотта «Господство и искусство сопротивления: скрытые транскрипты» (Scott, 1990). В ней показано действие неосознаваемых механизмов власти при употреблении определенных типов речевых транскриптов («публичного» и «скрытого»), формирующих и закрепляющих господство одних социальных групп над другими.

Для Скотта очевидно, что исследование властных отношений требует анализа субъективной стороны взаимодействия людей — опыта подчинения и его культурных составляющих. Без этого невозможно адекватно понять, с

одной стороны, причины пассивности и покорности людей в системах, генерирующих неравенство и поддерживающих господство, с другой стороны — источники и возможности сопротивления системе и потенциал ее изменения. Главная новация Скотта состоит в дистинкции между «публичным транскриптом» («открытая интеракция между властными и подвластными») и «скрытым транскриптом» («дискурс, который имеет место «за сценой» вне непосредственного наблюдения со стороны субъекта власти») (Scott, 1990: 2, 4). Открытая интеракция между субъектом и объектом — это лишь внешняя часть властной практики; вне публичной сферы их поведение, язык, привычки и традиции оказываются существенно иными. Каждая подвластная группа создает скрытый транскрипт, в котором отражается критическое отношение к власти за ее спиной («то, что нельзя говорить при власти»). Скрытый транскрипт формируется и в среде властвующих субъектов; в нем содержится то, что не может быть открыто выражено.

Каждый вид речевого дискурса выполняет свои особые социальные функции. В публичной коммуникации отражается принятие подвластными определенных норм подчинения и уважения к властвующим, необходимое для избегания наказания, приспособления к системе и выживания. Одновременно через нее реализуется и идеологическая власть элиты, создающей и поддерживающей символические ресурсы своего господства (ритуалы, выражения единства и одобрения, сокрытия, эвфемизмы). Однако несмотря на доминирование в идеологическом дискурсе, элита не обладает полной «гегемонией» (по Грамши), которая на деле оказывается лишь выражением публичного транскрипта. Т.о., Скотт отвергает идею «ложного сознания», считая, что даже в ситуациях тотального господства у подвластных остается возможность видеть альтернативные формы организации общества. Если публичные транскрипты служат легитимации власти (в некотором смысле, они представляют собой «самопортреты властвующих элит», средства сокрытия «грязных» сторон власти и ее «натурализации»), то вектор скрытого дискурса подчиненных направлен против доминирующей идеологии; в нем подвластные создают и поддерживают социальное пространство инакомыслия. Критическое отношение к власти в данном пространстве выражается в слухах, жестках, шутках, театре и т.п. В силу этого сознание подвластных оказывается значительно ближе к реальности, чем это можно было бы предположить исходя из публичного речевого дискурса, и это сохраняет им потенциал понимания политического действия.

Таким образом, учет скрытого дискурса подвластных и его сравнение с публичным транскриптом является обязательным элементом объяснения политической сферы; именно в нем подвластные оказываются участниками политики («инфраполитики») и проявляют свой потенциал сопротивления. «В условиях тирании и преследования, в которых живет большинство исторических субъектов — это и есть политическая жизнь» (Scott, 1990: 201). Более того, скрытые транскрипты создают основание для открытых форм социальных движений и восстаний, которые могут возникнуть в том числе и вследствие нарушения публичных правил игры («король должен вести себя как бог»). В контексте рассматриваемой проблемы, концепция Скотта весьма показательна: с одной стороны Скотт отвергает идею «лож-

ного сознания» и «гегемонии», с другой стороны, продолжает логику Грамши, Лукса, Фуко и др., настаивавших на необходимости выхода политического дискурса за пределы публично-обозреваемых проявлений власти. Естественно, что «дискурс за сценой» очень труден для изучения, поэтому он обычно оказывается вне поля зрения исследователей (Scott, 1990: 87). С этой точки зрения, книга Скотта интересна и тем, что в ней предлагается инструментарий для учета скрытого властного дискурса и показывается, как его можно использовать.

* * *

В концепции «символической власти» Пьера Бурдьё также дается объяснение некоторых «естественных» форм господства; при этом ей (власти) отводится важнейшая роль в формировании определенного типа социальной реальности.

Понятие «символическая власть» обозначает скорее не отдельную форму власти, а аспект всех форм властных отношений. «Символическая власть» проявляется в характере структурирования социальной реальности на основе достижения консенсуса в определенном видении мира и легитимации соответствующего когнитивного порядка (Bourdieu, 1991: 166); поэтому Бурдьё называет ее «властью создавать мир» («world-making») (Bourdieu, 1989: 23). Это власть конституирования данности, заставляющая людей видеть и верить, подтверждать или менять их восприятие мира; она навязывает определенное отражение различий между группами, фактически создавая эти различия, делая их видимыми и явными и, тем самым, формируя эти социальные группы и их социальные позиции.

Для успешного осуществления процесса изменения мира с помощью изменения видения мира. Символическая власть должна основываться на символическом капитале. Символический капитал — это и культурный капитал (образование, квалификация, степени, дипломы, звания), и лингвистический капитал (зависящий, в свою очередь, от социальной структуры и доступа к образовательной системе, и закрепляющей в речевых актах определенное положение индивида в существующей социальной иерархии), и, собственно, символический капитал (все формы престижа и дистинкции). Символическая власть дает ее субъектам те же блага, что и силовые, экономические и политические ресурсы — привилегии, положение в обществе, авторитет и многое другое. Поэтому к ней стремятся самые различные группы, пытающиеся навязать другим свое видение мира. Эта борьба ими ведется либо непосредственно — в символических конфликтах повседневной жизни, либо через тех, кто создает символическую продукцию (Bourdieu, 1991: 167–168). Успех в ней зависит как от величины социального капитала, так и от того, насколько предлагаемое видение социальной реальности имеет основание в самой социальной реальности: чем более соответствует реальности создаваемая символическая конструкция, тем более она имеет шансы быть воспринятой. Соответственно, чтобы изменить мир — надо изменить способы создания мира, его восприятие и практическую деятельность по производству и воспроизводству групп.

Символическая власть осуществляется не в виде открытых и осознанных актов, а через способы отражения, оценки и действия, которые конституируются совокупностью диспозиций, формирующих восприятия и установки людей и потому находятся за уровнем сознания и волевого контроля. В этом аспекте Бурдьё выходит за пределы даже луксовского «третьего лица власти» (за «ложное сознание»). «Символическая власть — это невидимая власть и она может осуществляться только при соучастии тех, кто не хочет знать, что является ее объектом и даже сам ее осуществляет» (Bourdieu, 1991: 164). Люди признают легитимность власти, существующую иерархию, не понимая, что эта иерархия и этот порядок произвольны. Поэтому символическая власть остается неосознаваемой; она существует постольку, поскольку реальность представляется естественной. Существенно отличаясь от других, символическая власть может взаимодействовать с другими формами власти и естественно дополнять их.

Интересная аппликация концепции символической власти используется Бурдьё для объяснения гендерных различий (Bourdieu, 2001). Он показывает, что кажущиеся «вечными» и «естественными» различия в положении полов являются продуктом взаимодействия социальных факторов. По мнению Бурдьё, гендерное неравенство является, с одной стороны, произвольным, случайным, с другой стороны — оно имеет логику социальной необходимости, поскольку мужчины и женщины впитали в себя исторические структуры мускулиной доминации в форме неосознанных схем. В этом заключается сила мускулиного порядка, который обходится без оправдания, а андрогенная версия воспринимается как нейтральная, обусловленная естественным различием между полами.

Из этого опять же следует, что для противодействия существующему порядку требуется, по крайней мере, знание соответствующих когнитивных структур. Бурдьё пишет о необходимости когнитивной революции, которая будет иметь практические последствия в формулировании стратегий трансформации современного состояния материальных и символических властных отношений, в том числе между полами. Данный подход резко контрастирует как с эссенциалистскими (биологическими и психоаналитическими) объяснениями различий между полами, фактически ведущими к закреплению господства, так и с идеями сопротивления, сводящимися к индивидуальным актам. Бурдьё приглашает женщин участвовать в политических действиях, но не обязательно в традиционных формах, подчеркивая значимость символических средств воздействия на существующие институты.

Таким образом, понятие символической власти способствует пониманию той внешней легкости, с которой люди готовы смириться с существующим порядком, воспринимая различные формы господства и несправедливости (сословные, расовые, гендерные, языковые привилегии, неравенства и пр.) как нечто естественное и необходимое. Бурдьё выступает против этой власти и видит задачу социальной науки в раскрытии скрытых форм власти и осуществлении критики политического дискурса, склонного воспроизводить злоупотребления языка, являющиеся одновременно и злоупотреблениями власти. Призывая к когнитивной революции, которая могла бы сформулировать стратегии изменения современной символической власти, он по-

казывает, что иные подходы и средства будут лишь способствовать воспроизводству структуры господства, не затрагивая его скрытых механизмов и форм проявления.

* * *

Тенденция к поиску скрытых форм власти с самого начала стала объектом критики. В начале дискуссии наиболее обстоятельные возражения на идею «второго лица власти» были высказаны Н. Полсби (Polsby, 1963). В 70-80 гг. огромный массив критики вызвала книга С. Лукса (Lukes, 1974), посвященная обоснованию «третьего лица власти» (А. Брэдшоу, Т. Бентон, Б. Хиндесс, Д. Лэйдер, Э. Гидденс и др.), а также попытки практического применения «многомерных» моделей власти в исследованиях М. Кренсона (Crenson, 1971) и Дж. Гэвенты (Gaventa, 1980). В последнее десятилетие явный критический настрой в отношении «расширенных» концепций власти содержится в теории рационального выбора, которая в дискурсе власти наиболее основательно представлена К. Доудингом (Dowding, 1991; Dowding, 1996; Dowding et al., 1995).

Доудинг считает, что в дебатах по поводу власти справедливая критика «простых» моделей нередко приводила к формированию концепций, далеких от возможностей эмпирической демонстрации. При этом «расширение сферы власти снимало с видимых субъектов власти ответственность за свои действия» (Dowding et al., 1995: 265–266). Доудинг согласен с тем, что одномерный (плюралистический) подход был неадекватным в силу того, что при выявлении мотивации субъекта учитывалось лишь его действие и не принималась во внимание структура ситуации выбора между имеющимися альтернативами. Тем самым полностью игнорировалась «проблема коллективного действия», а потому объяснение власти и ее распределения в обществе оказывалось не вполне корректным.

В то же время их критики совершали т.н. «ошибку обвинения» (blame fallacy), которая состояла в том, что фактически любые действия объекта, направленные против своих интересов, квалифицировались как результат (скрытого) осуществления власти. На самом деле, подчеркивает Доудинг, такие действия могли быть вызваны структурой ситуации и нехваткой соответствующих ресурсов. Доудинг поясняет данную ситуацию, используя различие между «властью результата» (outcome power) (способность актора достигнуть определенного результата или способствовать достижению результата) и «социальной властью» (способность актора намеренно изменить структуру стимулов другого актора или акторов для достижения результата): «группы могут не иметь власти результата² и без влияния на них других акторов, обладающих социальной властью» (Dowding et al., 1995: 267; Dowding, 1991: 84–114).

Хотя Доудинг относит свою критику к «расширенным концепциям власти, ассоциирующимся с Луксом и Фуко», по сути она касается всех концеп-

² В данном случае слово «власть» (power) используется в качестве синонима «способности», поэтому доудинговскую «власть результата» можно рассматривать просто как способность достижения чего-либо.

туализаций власти, распространяющихся на отношения, в которых источником изменений в объекте выступают социальные структуры, а не конкретные индивиды и социальные группы. По его мнению, «ошибка обвинения» типична прежде всего для исследователей радикальной и марксистской ориентации, которые не склонны объяснять политическую пассивность значительных групп населения их удовлетворенностью сложившейся ситуацией и заняты поиском новых «лиц власти» и, соответственно, скрытых субъектов власти, являющихся причиной сохранения невыгодного большинству населения статус-кво.

Рассуждения Доудинга достаточно логичны: отсутствие внешнего фактора (власти над субъектом), не обязательно ведет к тому, что действия объекта всегда будут соответствовать его интересам. Интересы людей нельзя вывести из их поведения и рассматривать в отрыве от возможностей выбора и ресурсов, которыми они располагают, поскольку многие предпочтения нередко фактически блокируются структурными факторами: субъект не обязательно делает выбор в пользу наиболее привлекательного для него варианта, о чем, например, свидетельствует «дилемма узников». Участие в политических действиях может быть нерациональным, если цена его перевешивает получаемые выгоды. При этом люди склонны принимать во внимание риски, которые вполне вероятны при их включении в политический процесс; для многих из них эти соображения достаточны для того, чтобы предпочесть не участвовать в политике (и в данном случае, не действовать в своих интересах), поскольку они не рассчитывают (или не уверены), что в результате будут иметь существенную выгоду.

Кроме того, поскольку изменение ситуации обычно требует совместных усилий различных групп людей, то неизбежно возникают проблемы мобилизации коллективных ресурсов, хорошо описанные в теории коллективного действия (Olson, 1971; Hardin, 1982). На параметры групповой активности и способности группы преодолеть проблемы коллективного действия влияют размеры и состав группы, степень единства интересов ее членов, эффективность группового взаимодействия, специфика задач, стоящих перед группой, внешнее влияние и др. При неблагоприятном раскладе этих факторов, многие предпочтут уклониться от деятельности на благо группы, которая в этом случае не будет иметь возможностей реализовать свои интересы.

Данные соображения Доудинг адресует и тем, кто пишет о структурной власти бизнеса и пытается доказать ее существование с помощью эмпирических исследований. В частности, он подвергает критике модели и результаты исследования власти, проведенные М. Кренсоном и Дж. Гэвентой. В своем исследовании в небольших американских городах Гэри и Восточный Чикаго (Индиана) М. Кренсон попытался выяснить, почему некоторые города уделяли большее внимание охране окружающей среды по сравнению с другими. Он пришел к выводу, что эти различия были обусловлены тем, что в одних городах на принятие законодательства об охране окружающей среды оказывалось сильное скрытое влияние со стороны крупных экономических структур, а в других его не было. В частности, в Гэри доминировала «US Steel». Внешне ее политическая роль была весьма пассивной, однако ее интересы были хорошо представлены, поскольку те, кто принимал политиче-

ские решения предполагали возможные реакции корпорации на принятие жестких антиполлюционных мер (снижение производства, сокращение рабочих мест, перенос производственных мощностей на другие территории и т.п.). Законодатели фактически действовали по принципу: что плохо для «US Steel» – то плохо и для Гэри; поэтому корпорацию вполне устраивал существовавший уровень контроля за загрязнением окружающей среды в городе (Crenson, 1971).

По мнению Доудинга, данную ситуацию можно объяснить и без луксовского «третьего лица власти» путем рассмотрения соответствующей структуры стимулов. Бессилие группы может быть обусловлено какими-то свойствами самой группы, независимо от того, имел место внешний фактор или нет. Совсем не обязательно, чтобы на группу оказывалось сильное давление для того, чтобы ее члены не предпринимали активных действий, поскольку им прежде всего нужно преодолеть проблему коллективного действия. Структурирование проблемы могло быть осуществлено с помощью целенаправленных действий субъектов власти в прошлом и совсем не обязательно связано с действиями сегодняшних акторов.

Непринятие Доудингом структурных концепций власти³ обусловлено его стремлением показать различие между ситуациями, где результат зависит от субъекта власти (субъект обладает способностью заставить объект делать то, что тот в ином случае не стал бы делать) и случаями, где он обладает возможностью осуществить свои желания независимо от своих усилий за счет действия структурных факторов. Интересы людей реализуются не только в процессе осуществления власти, но и благодаря изначальным преимуществам, которыми они обладали («удача»)⁴. Власть может быть эмпирически связана с обладанием определенными преимуществами, однако между ними нет тождества. Поэтому не вполне правомерно рассматривать получение и неполучение выгоды в качестве критерия власти.⁵

³ Примером структурного определения власти является, например, дефиниция Р. Элфорда и Р. Фридленда: «власть принадлежит тем, кто получает выгоду от функционирования социальных, экономических и политических структур» (Alford and Friedland, 1975: 431).

⁴ Термин «удача» был предложен Б. Бэрри, впервые обстоятельно рассмотревшим данную концептуальную проблему в статье «Что лучше: иметь власть или быть удачливым?» (Barry, 1989). Доудинг развивает рассуждения Бэрри, вводя понятие «систематическая удача». Последнее обозначает возможность группы «иметь то, что она хочет, без необходимости действия в этом направлении в силу того, что общество структурировано определенным образом» (Dowding, 1996: 71).

⁵ Ранее мы уже указывали, что многие трудности в анализе власти возникают в силу того, что исследователями не проводилось четкое концептуальное различие между *результатом* власти и *последствиями (конечными целями)* власти (Ледяев 2000; Ледяев 2001: 163-177). Аналитически наиболее последовательным является ограничение результата власти соответствующими изменениями в самом объекте (подчинение объекта), которые, в свою очередь, позволяют субъекту власти добиться своих целей (самый понятный пример: подчинение воле субъекта определенной группы депутатов парламента позволяет ему добиться принятия нужного закона). Необходимость данной дистинкции проявляется в ситуациях, когда последствия вполне успешного контроля субъекта за деятельностью объекта оказались, в силу тех или иных причин (нереалистичность избранных целей, трудности предвидения всех последствий влияния на объект, невозможность учета различных внешних обстоятельств и др.), не соответствующими его изначальным расчетам. В рамках предложенной

Однако можно одновременно и иметь власть, и обладать удачей: если субъект способен изменить ход событий (когда, например, его интересы оказываются под угрозой), то он не только удачлив, но и обладает властью в данном конкретном отношении. Обнаружить власть в ситуациях, где есть удача (особенно, если она закреплена структурно) весьма непросто. Насколько класс капиталистов обладает властью, и насколько он удачлив в силу того, что социальное устройство и система ценностей создают ему наиболее благоприятные, по сравнению с другими социальными группами, условия? По мнению Б. Бэрри, К. Доудинга и некоторых других исследователей, возможность эмпирически протестировать данную ситуацию возникает лишь при наличии конфликта между субъектом и объектом, обуславливающим необходимость преодоления сопротивления объекта. Только в этом случае, считают они, можно достоверно говорить о власти, поскольку достижение целей субъекта при отсутствии чьего-либо сопротивления нередко означает лишь наличие благоприятной для данного субъекта ситуации (удачи). «Группа может иметь успех иногда только потому, что ломится в открытую дверь, — пишет К. Доудинг. — Мы не можем изучать власть только на основании ресурсов групп, которые лоббируют правительство. Мы также должны проэкзаменовать ресурсы их соперников и друзей (Dowding, 1991: 82; Barry, 1974: 198). Рассматривая аргументы Кренсона, Доудинг указывает, что Кренсон, на самом деле, не показал наличия власти у «US Steel», поскольку он не ответил на вопрос о причинах отсутствия политической мобилизации людей, страдавших от загрязнения окружающей среды. Поэтому совсем не обязательно приписывать все проблемы с законодательством «US Steel», совершая тем самым «ошибку обвинения». Сказанное не означает, что «US Steel» совсем не имеет влияния; просто степень этого влияния (в контексте проблемы мобилизации) Кренсоном не была показана (Dowding, 1991: 92–95).

Таким образом, «скрытые формы власти» оказываются, по Доудингу, либо совокупностью благоприятных для субъекта условий, либо отсутствием мобилизации объекта. При этом и те, и другие обстоятельства не были созданы субъектом, и он не является ответственным за их последствия. Поэтому Доудингу представляется вполне естественным вывести эти ситуации за пределы власти и использовать другие термины для их описания.

Означает ли вышесказанное, что дискурс о «лицах власти» выходит за пределы пространства политической власти? На наш взгляд, второе и третье «лица власти» действительно существуют, но их обнаружение и эмпирическая фиксация требуют большей четкости, в частности в отношении ответственности субъекта за соответствующую ситуацию вокруг объекта. Некоторые формы отношений, в том числе и отмеченные Скоттом и Бурдые, вполне могут быть объяснены как скрытые формы власти; в частности те, где субъекты осознанно участвовали в поддержании своей идеологической гегемонии и накоплении символического капитала. Однако многие другие иерархические отношения не являются результатом осуществления чьей-то

нами концептуализации власти «выгода субъекта» или «реализация целей субъекта» не могут выступать в качестве критериев успеха/неуспеха власти.

власти и могут быть вызваны элементарной апатией, подчинением по традиции (люди не задумываются о возможности неподчинения) или стремлением объекта извлечь выгоды из существующей ситуации в будущем.

Разумеется, утверждения о том, что безвластие и покорность нередко имеют корни в самих акторах, могут всегда быть отвергнуты, поскольку тем самым «обвиняется сама жертва» и затрудняется выявление скрытого влияния власть имущих (Gaventa, 1980: 7–9). С этой точки зрения, диспуты вокруг «лиц власти» крайне трудны в плане убедительности аргументов, а одни и те же ситуации часто интерпретируются совершенно по-разному. Однако важность проблематики и практических импликаций принятия той или иной точки зрения поддерживают интерес к проблеме несмотря на очевидные трудности ее разрешения.

Библиография

- Ледяев В.Г. Власть, интерес и социальное действие // Социологический журнал. 1998. №1–2. С. 79–94.
- Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. 2000. № 1. С. 97–107.
- Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001.
- Подорога В.А. Власть и познание (археологический поиск М.Фуко) // Власть: очерки современной политической философии Запада / Отв. ред. В.В. Мшевение-радзе. М.: Наука, 1989. С. 206–255.
- Alford R.R. and Friedland R. Political participation and public policy // Annual Review of Sociology. 1975. Vol. 1. P. 429–479.
- Bachrach P. and Baratz M.S. Two faces of power // American Political Science Review. 1962. Vol. 56. N 4. P. 947–952.
- Bachrach P., Baratz M.S. Decisions and nondecisions: An analytical framework // American Political Science Review. 1963. Vol 57. № 3. P. 641–651.
- Barry B. The economic approach to the analysis of power and conflict // Government and Opposition. 1974. Vol 9. № 2. P. 189–223.
- Barry B. Is it better to be powerful or lucky? // Democracy, Power and Justice. Essays in Political Theory. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 270–302.
- Bourdieu P. Social space and symbolic power // Sociological Theory. 1989. Vol. 7. № 1. P. 14–25.
- Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1991.
- Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford: Stanford University Press, 2001.
- Dowding K.M. Rational Choice and Political Power. Aldershot: Edward Elgar, 1991.
- Dowding K. Power. Buckingham: Open University Press, 1996.
- Dowding K., Dunleavy P., King D., and Margetts H. Rational choice and community power structures // Political Studies. 1995. Vol. 43. № 1. P. 265–277.
- Hardin R. Collective Action. Baltimore and London: Resources for the Future, 1982.
- Lukes S. Power: A Radical View. Basingstoke and London: Macmillan, 1974.
- Olson M. The Logic of Collective Action. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
- Polsby N. W. Community Power and Political Theory. New Haven: Yale University Press, 1963.
- Scott J.C. Domination and the Art of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven and London: Yale University Press, 1990.